

Фамилия, имя (отчество): **Штыров Дмитрий Олегович**

Основное место работы, адрес: студент 4 курса философского университета РГГУ
Должность: нет

Ученая степень, звание: нет

Название доклада: **Квентин Скиннер: Теория речевых актов и теория интерпретации**

Тезисы доклада:

1. Основным источником предлагаемых Квентином Скиннером идей в области фундаментальных философских и лингвистических вопросов исторической науки и теории интерпретации - это работы Людвиг Витгенштейна и Джона Остина, проясняющие сущность языковых выражений, которые лежат в области интереса философа и историка, и, более конкретно, феномен понимания этих высказываний, его необходимые условия и критерии. Важнейшие основания, на которых базируется методология Кембриджской школы и, в особенности, Квентин Скиннер, это, во, первых, выдвинутый поздним Витгенштейном тезис о том, что вместо того, чтобы заниматься поиском значений слов самих по себе, следует, в большей степени, сконцентрироваться на их употреблении в языковых играх, и, во-вторых, развитие Джоном Остином этой же идеи, с упором на вопрос - что именно подразумевается под исследованием употребления слов в противоположность исследованию значений и что, в связи с этим, значит, что слово также является действием.

2. Одно из важных предварительных условий, с которым, по мнению Скиннера, придется согласиться историку идей - это противопоставление, которое было сделано Остином в работе "Слово как действие", - "серьезного" ("нормального") и "не серьезного" ("условного", "вторичного" или "паразитического") использования языка. Все дальнейшие выводы будут подходить только для первого случая. Это означает, что интересующие интеллектуального историка высказывания и тексты должны задумываться как средство донесения мысли, как способ совершения некоторого речевого акта. Эти высказывания должны рассматриваться так, чтобы их возможно было адекватным образом понять. Не смотря на это грубое разделение, анализ, который предлагается теорией речевых актов, по-прежнему является в значительной степени эффективным, и если мы все же остаемся уверены в том, что большой корпус философских и литературных текстов не является бессмысленным и неподдающимся адекватной интерпретации и пониманию, если мы все же остаемся уверены, что большую часть интеллектуальной истории составляют стоящие внимания и изучения мысли, нам следует сконцентрировать свое внимание на предлагаемом анализе и проследить те практические выводы, которые из него следуют.

3. Скиннер не раз подчеркивал решающее для всех его теоретических построений значение введенного Остином разделения иллокутивной силы и иллокутивного акта. Первое указывает на некоторый ресурс языка, второе же - на способность агентов использовать его в общении. Иллокутивные акты, которые мы совершаем, определяются, как и все сознательные действия, нашими намерениями; но иллокутивные силы, которые передаются посредством наших высказываний, определяются главным образом их смыслом и контекстом. Подобный поиск намерений автора как необходимое условие

понимания многими воспринимается как попытка “залезть в голову” к другому человеку и “прочитать” его мысли, что является очевидным проблемным местом. Гораздо более простым и надежным при установлении иллокутивного акта и объяснении совершаемого действия было бы, в духе Витгенштейна, положиться на “прочные конвенции”. Так, например, Джон Покок полагает, что понимание высказывания может быть исчерпано реконструкцией лингвистического контекста, в котором оно было произнесено. Хотя сам Остин позже склонился к тем же прочным конвенциям как решающим для определения иллокутивного акта, Скиннер, так же как Стросон и Серл, все же полагает более эффективным в данном случае рассмотрение намерения как решающего фактора.

4. Скиннером признается, что если мы хотим понять самого автора, то нам следует рассматривать предполагаемые им к совершению иллокутивные акты - то, как автор видел свои слова быть воспринятыми. Таким образом, здесь проводится важное разделение: с одной стороны, есть то, что фактически было сделано, что имело место в истории, а с другой - намерения, представления авторов о своих работах, когда они писались. Также Скиннер, вслед за Джоном Остином, утверждает, что достижение понимания иллокутивной силы серьезного высказывания будет эквивалентно пониманию того, что делал человек, произнося данное конкретное высказывание. Аналогичный способ это выразить заключается, исходя из представленного Скиннером анализа понятия “намерения”, в следующем: понимание иллокутивного акта, который задается агентом при произнесении высказывания, будет эквивалентным пониманию основных намерений агента, заключающихся в конкретном высказывании. Привлечение широкого социального и лингвистического контекста не достаточно для понимания высказывания, поскольку он не может дать никакой информации о том, как и с какой целью были использованы слова и, следовательно, не дает нам понимания автора. В лучшем случае контекст может ограничить диапазон значений употребляемых слов, предотвратив нежелательные случаи ассоциации и отождествления современных понятий с понятиями из других времен и культур.

5. Еще одна важная характеристика всякого серьезного высказывания, в котором заинтересован историк идей, заключается в том, что оно должно быть воспринято как действие в определенной коммуникации. Для историка это означает, что рассматриваемые им высказывания являются не просто набором предложений и не простым описанием некоторого положения, а образуют цепочку рассуждений, аргументацию в пользу или против. Из этого следует, что для понимания таких высказываний нам придется определить тот характер “вмешательства”, который посредством них совершается. Таким образом, как утверждает Скиннер, историку и интерпретатору в первую очередь следует начать с прояснения предмета высказывания (его значения), которое его интересуют, а затем обратиться к аргументативному контексту его возникновения, чтобы определить, как именно оно связано с другими высказываниями, имеющими отношение к тому же предмету. Если историку удастся определить этот (аргументативный) контекст с достаточной точностью, то он может в конечном итоге надеяться понять, что именно делал тот или иной мыслитель, когда он сказал то, что было сказано.

6. Проблема дистанции между автором и текстом, которая возникает при любой попытке соотнесения намерения и действия, может быть решена двумя способами: с одной стороны, можно сделать радикальный вывод, в духе Фуко и Барта, что определение

состояния ума отдельных авторов вообще не должно входить в задачи интерпретатора, ограничившись, таким образом, исследованием текстов, предварительно включив перформативность в его характеристики. Таким образом, текст по-прежнему будет описываться как отстаивающий одну позицию и конфликтующий с другой, однако для этого нам не потребуется заниматься таким сомнительным делом, как выяснение мыслей другого человека. В качестве легитимного варианта решения этого затруднения, Скиннер предлагает сократить разрыв между утверждением, что текст делает что-то, и утверждением, что его автор делает это. Иногда кажется совсем не трудным перейти от утверждения, скажем, что высказывание было возражением к устоявшейся аргументации, к дальнейшему утверждению, что это должно быть объяснено тем фактом, что его автор намеревался сделать высказывание именно таким возражением. 7 (заключение, практические выводы). Как следствие из предложенного понятийного анализа, Скиннер предлагает несколько рекомендаций для интерпретации, которые отражают практическую значимость используемых философских и лингвистических оснований. Во-первых, Скиннер предлагает историку-интерпретатору сосредоточить внимание не только на самом тексте, но и на тех обстоятельствах, в которых он возникает, на сложившихся традициях постановки проблемы (если речь идет о философском или научном произведении). Всегда, когда речь идет о “серьезном” высказывании, предполагается, что оно является частью коммуникативного процесса, ввиду чего оно должно, помимо своего непосредственного содержания, предполагать совершение некоторого акта в “диалоге” - быть дополнением, расширением, а также ответом или возражением на уже имеющиеся позиции. Поэтому, чтобы понять, что автор пытался сказать своим произведением, что он пытался сделать или что он “имел в виду”, следует выяснить значение приведенных им идей в рамках той темы и того времени, в которых они были записаны. Иными словами, необходимо соотнести идейный (аргументативный) контекст и картину мира самого автора, чтобы узнать, что он вообще мог сделать и что он мог намереваться сказать нам (адресатам его текста) посредством того, что было сказано.

Контактный телефон - 89169550710 email - shtyrov.d@gmail.com